

Глава 23. Развязка

Едва вернувшись в Поместье Линь, Линь Лан сразу же вызвал Хэжу к себе в кабинет.

— Молодой господин? — тихо спросила служанка, переступая порог.

Линь Лан поднял на неё взгляд от стола:

— Завтра выпусти всех моих голубей. До единого. Как только они приманят чужих птиц и вернуться, выпускай снова. Делай так недели две. Если среди перехваченных окажутся почтовые, читай записки. Если там нет ничего опасного, переписывай послания точь-в-точь и отправляй птиц дальше. Все технические тонкости обсуди с главным управляющим.

Хэжу послушно кивнула. Линь Лан продолжил:

— И ещё кое-что. Переговори с управляющим, пусть найдёт пожилого человека, который хоть немного владеет боевыми искусствами. Объявим его лекарем Юем. Детали согласуйте с Гу Ся. Пуском слухов заниматься не нужно, это полностью на управляющем. Твоё главное дело — голуби.

Девушка снова поклонилась. В этот момент снаружи негромко постучала Хэцзя:

— Молодой господин, вы ведь ещё не обедали? Я велела подать на стол. Не желаете подкрепиться?

— Иду, — отозвался Линь Лан.

Хэжу распахнула двери кабинета и бесшумно последовала за хозяином.

В детстве проказничают все, и Линь Лан не был исключением. Но если обычные ребяташки лазали по деревьям за птичьими гнёздами или ловили рыбу в речке, а отпрыски знатных родов развлекались тем, что били посуду да капризничали, то он выбирал забавы поизысканнее.

Ещё шестилетним мальчишкой он прознал о существовании голубей-приманок — особых голубей, способных увести за собой чужого почтаря или даже целую стаю.

Для любого голубятника такая птица была сущим кошмаром, но Линь Лану идея безумно понравилась. Он велел раздобыть несколько штук, сам их выкармливал, дрессировал днями напролёт и то и дело выпускал на волю, дожидаясь, пока его питомцы вернуться с добычей.

Знатные господа держали птиц для красоты — от силы штуки три. Но Линь Лан вошёл во вкус

и завёл целую ораву. И все как один — голуби-приманки. Он расселил их по разным вольерам и на рассвете выпускал поочерёдно, безбожно перехватывая чужую почту чисто ради забавы.

Почтовых голубей в тех краях держали в основном солидные заведения: банки, рисовые склады, крупные торговые дома. Лишившись птицы, они несли убытки, дела шли кувырком, но жаловаться Главе семьи Линь никто не смел. У Инспектора соляного ведомства Линь Жухая рос единственный наследник, в котором отец души не чаял. Да и глупо взрослому человеку затевать тяжбу с ребёнком из-за каких-то птиц — курам на смех. А если честно, то попросту боялись гнева влиятельного чиновника.

Разумеется, забавы Линь Лана не укрылись от отца. Линь Жухай призвал сына к порядку и взял с него обещание: выпускать приманок лишь раз в день, поутру, да и то не всю стаю сразу, а к полудню возвращать птиц в голубятню. Линь Лан спорить не стал. Но поголовье пернатых росло с каждым днём, и отец, махнув рукой, выделил ему под это дело целое крыло. И тут уж юноша развернулся вовсю: завёл ястребов, соколов и даже редкого кречета в придачу.

Если бы в столичном поместье Цзя было где разгуляться, Линь Лан непременно перевёз бы весь этот хищный зверинец с собой.

На следующий день Линь Лан окончательно свёл все нити плана воедино, и невидимые постороннему глазу шестерёнки завертелись.

Линь Лан зашёл в покои отца. Линь Жухай, полулежа в постели, лениво перелистывал какую-то книгу. Завидев сына, он отложил её:

— Опять без стука? Всё устроил?

— А как иначе? — Линь Лан широко улыбнулся. — Набросил шёлковую петлю, сижу и жду, когда добыча сама сунет туда шею.

Старший Линь окончательно закрыл фолиант:

— И как же твоя "шёлковая петля" заставит кукловода выдать себя?

— О, на самого кукловода я пока и не махаюсь, — небрежно отозвался сын. — Моя цель — вытащить на свет его здешних прихвостней, а уж Одиннадцатый принц разберётся с ними самолично.

Линь Жухай задумчиво погладил усы:

— Думаешь, они послушно пойдут на твой манок?

— Из Гусу в столицу теперь и муха не пролетит незамеченной, — пожал плечами Линь Лан. — Все пути перекрыты, наживка заброшена. Если Его Высочество приехал сюда не просто прохладиться, он вцепится в эту возможность мёртвой хваткой. Впрочем, даже если Одиннадцатый принц решит остаться в стороне, найдутся другие охотники.

Отец со вздохом покачал головой:

— Лентяй ты, Лан-эр. Вся твоя мудрость — от нежелания лишний раз палец о палец ударить.

— Полноте, батюшка, представление только началось, не спешите с выводами!

На самом деле Линь Жухай не сомневался в успехе затеи. На воде и в небесах теперь царил строгий досмотр, а сушей слать гонцов — дело долгое, время будет безвозвратно утеряно. Оказавшись в информационной блокаде под постоянным давлением, противник неизбежно запаникует и наделает глупостей. Он лишь сокрушался, что сын решает государственные дела с той же ленивой грацией, с какой в детстве таскал чужих голубей.

— Раз всё слажено, поглядим, что из этого выйдет, — проворчал Линь Жухай. — Но главное — поскорее яви миру своего «чудотворца». Симулировать предсмертную немочь — адский труд, у меня уже все бока отлежали.

Линь Лан лукаво прищурился:

— Отец, признайтесь, вы ведь уже расспросили обо всём управляющего?

Линь Жухай на мгновение смутился, поняв, что выдал себя, но тут же напустил на себя суровости:

— Я твой отец! Имею полное право знать!

— Ну надо же, — хмыкнул юноша, покачав головой. — Зачем тогда было меня расспрашивать? От скуки?

— Ах ты паршивец! — вспыхнул старший Линь. — Совсем от рук отбился! Напросился-таки на хорошую порку!

Линь Лан задорно рассмеялся:

— Так вставайте, батюшка, да всыпьте мне! Чего зря воздух сотрясать?

— Негодник! — беззлобно выругался Линь Жухай. — Только и знаешь, что кровь мне портить. Ну погоди, доберусь я до тебя.

Линь Лан лишь усмехнулся. Он прекрасно знал, что угрозы отца гроша ломаного не стоят — тот никогда бы не поднял на него руку. Заметив торжествующий вид сына, Линь Жухай призадумался, как бы поинтереснее проучить сорванца.

Не успел он ничего придумать, как слуги доложили о прибытии Цзя Ляня. Тот передал, что вчера из-за дорожной суеты не успел как следует засвидетельствовать почтение дяде, и теперь смиренно ожидает за дверью.

Линь Жухай тут же повалился на подушки, придав лицу измождённый вид, а Линь Лан изобразил на лице глубокую скорбь. Когда Цзя Лянь вошёл, перед ним предстала картина полнейшего уныния. Разумеется, простодушному гостю было далеко до этих двух старых лисиц, и он послушно подыграл их спектаклю.

Придав лицу подобающую случаю суровость, Цзя Лянь отвесил глубокий поклон:

— Как ваше драгоценное здоровье, дядя?

Линь Жухай натужно закашлялся. Линь Лан бережно приподнял отца, помогая ему сесть на постели, после чего старик слабым голосом произнёс:

— Сегодня мне будто бы чуть полегче... Как тебе спалось на новом месте, племянник?

Цзя Лянь рассыпался в благодарностях и принялся всячески угождать больному. Линь Жухай благосклонно принимал его заботу с видом человека, заслужившего покой. Линь Лану всегда претили подобные лицемерные любезности, к тому же он видел, что помыслы кузена заняты совсем иным, а потому быстро заскучал и погрузился в свои мысли.

Линь Жухай, заметив отрешённый вид сына, едва сдержал улыбку. Он-то надеялся, что жизнь в столице сделает юношу более гибким, но характер парня остался прежним. Впрочем, отец лишь потакал его причудам. Снова закашлявшись, он негромко проговорил:

— Кхм... Сын мой, Лан-эр, так печётся о моём здравии, что вызвался переписать сотню буддийских сутр для семейного алтаря.

Цзя Лянь тут же подхватил:

— Двоюродный брат Линь — образец сыновней почтительности! Всю дорогу он глаз сомкнуть не мог от тревоги за вас, а теперь, слава небу, может делом доказать свою преданность.

Линь Лан, витавший в облаках, вздрогнул, услышав своё имя. Поняв, что отец ловко поймал его на слове, он решил воспользоваться случаем и сбежать из душной спальни. Сделав виноватое лицо, он произнёс:

— Долг сына — оберегать покой родителей. Я и без того слишком долго пробыл вдали от отчего дома, что уже великий грех. Молитвы о здравии батюшки — лишь малая толика того, что велит мне долг. Здесь не за что хвалить.

Поднявшись, он добавил:

— Благочестивые дела не терпят отлагательств. Пойду займусь переписыванием сутр, дабы поскорее поднести их Будде ради скорейшего выздоровления отца.

Линь Жухай кивком благословил его уход. Линь Лан покинул покои и направился к себе. По пути он велел слугам передать Дайюй, чтобы та отложила приготовление лечебных отваров и поскорее навестила отца.

Поскольку батюшка помог ему вырваться из скучного общества Цзя Ляня, Линь Лан решил отплатить той же монетой. Его отец точно так же терпеть не мог пустые разговоры, но положение обязывало держать марку. Но раз уж приходится притворяться больным, то куда приятнее делать это в компании любимой дочери, нежели выносить докучливого племянника.

Что же касается самого Цзя Ляня... Ещё во время плавания Хэжу докладывала, что столичный гость весьма падок на женские прелести. Оказавшись в вольном и весёлом Гусу, он долго не выдержит без утех. Стоило подсунуть ему смазливую девицу из чайного дома, как он мгновенно позабудет и о больном дяде, и о семейном долге.

Пять дней спустя заговорщики действительно потеряли терпение. Не получая вестей, они попытались отправить запрос в столицу. Но Линь Лан держал каналы связи под плотным замком: и речные пути, и небеса караулили его люди. В итоге тайное послание не просто не дошло до адресата, но и легло прямым на стол к молодому господину Линь.

Зная, что дело пахнет керосином, враги подстраховались: одного гонца пустили по воде, другого — голубиной почтой. Водного лазутчика перехватили дозоры, а птицу заманили голуби-приманки Хэжу. Прочитав донесение, Хэжу показала его Линь Лану, после чего птицу перевыпустили, подменив письмо на безвредную пустышку.

Ещё через три дня в лагере заговорщиков началась паника. Их столичный покровитель молчал. Если Линь Жухай действительно пойдёт на поправку, то с его умом он мгновенно вычислит тех, кто пытался свести его в могилу, и тогда их хозяину в столице несдобровать.

Преданные слуги бросились на поиски Чудотворца Юя, выдавая себя за посланников Поместья Линь. Однако Линь Лан разгадал этот нехитрый маневр на раз-два. Он приставил шпионов к каждому подозрительному чужаку, а ещё через два дня его отец отдал приказ затягивать сети. Он демонстративно собрал прессу и городских глашатаев, объявив от имени семьи Линь глубокую благодарность «неизвестным благодетелям», которые столь самоотверженно искали Чудотворца Юя. К благодарности прилагался подробнейший список имён, званий и адресов этих самых «благодетелей».

После такого разоблачения вся тайная сеть Второго принца в Гусу оказалась как на ладони. Ищейки клана Линь недаром ели свой хлеб: распутывая этот клубок, они вывели на чистую воду даже тех прихвостней, кто стоял в стороне от покушения.

Одиннадцатый принц Ту Вэй и Пятый принц Ту И не упустили столь лакомый кусок. Объединив усилия, братья одним махом выкорчевали все опорные пункты Второго принца в регионе. Из осторожности они не стали спешить заполнять освободившиеся доходные места собственными ставленниками, однако свято место пусто не бывает — очень скоро у кормила власти появились новые лица.

Узнав об этом от отца, Линь Лан лишь усмехнулся: новые назначенцы явно были людьми самого Императора. Поняв, что гроза миновала, юноша со спокойной душой умыл руки и выкинул государственные интриги из головы.

Тем временем Цзя Лянь, едва ступив на порог весёлого квартала, без памяти влюбился в знаменитую куртизанку Цинчэнь. Он дневал и ночевал в её покоях, клянясь при первой же возможности увезти её в столицу и окружить небывалой роскошью.

Дева Цинчэнь, разумеется, была верной служебкой Линь Лана. Действуя строго по указке своего господина, она опутала Цзя Ляня тончайшими сетями нежности. Ослеплённый страстью, тот ловил каждое её слово. В его глазах она была невинным цветком лотоса, вынужденным цвести среди болотной грязи. Воспылав благородным порывом, он выложил круглую сумму за её свободу и привёз прелестницу прямо в усадьбу Линь.

Узнав о намерении кузена выкупить девушку, Линь Лан тайно подсобил ему. Цинчэнь считалась первой красавицей Павильона Весенней Радости и к тому же оставалась цингуань — за право обладать ею боролись богатейшие наследники Гусу. Разве позволили бы заезжему обедневшему дворянину увести такое сокровище? Лишь благодаря его негласному вмешательству сделка прошла без сучка и задоринки.

Когда же до Цзя Ляня наконец дошли слухи о чудесном исцелении Инспектора соляного ведомства, было уже поздно — все его козыри сгорели.

Выждав момент, Линь Лан заглянул к кузену. Завидев его на пороге, Цзя Лянь расплылся в подобострастной улыбке, надеясь задобрить родственника, но он лишь холодно прищурился.

Переступив порог, он небрежно бросил:

— Ну что, старший двоюродный брат Лянь, весело проводишь время в Гусу?

Цзя Лянь виновато потупился:

— О чём ты, дорогой кузен? Твой старший брат был неправ, каюсь. Прошу, не держи на меня обиды.

— Полноте, — усмехнулся Линь Лан. — Что за речи? Это я повёл себя глупо, решив, будто могу указывать старшим. Твоё пренебрежение было вполне заслуженным.

— По глупости бес попутал! — замахал руками Цзя Лянь. — Отныне любое твоё слово для меня закон!

Ещё по дороге на юг он мысленно похоронил дядю, а потому ни в грош не ставил сопляка Линь Лана. Теперь же, когда Линь Жухай восстал со смертного одра, спесь с Цзя Ляня мигом слетела, хотя окончательно терять лицо перед младшим он всё же опасался.

Линь Лан равнодушно пожал плечами:

— Оставим это. Я пришёл лишь за тем, чтобы попросить у тебя одного человека. Надеюсь, ты не станешь скупиться?

— Для тебя — всё что угодно! Кого именно ты приметил? — оживился Цзя Лянь.

— Твоих верных слуг я трогать не смею. Мне нужна девица Цинчэнь, которую ты давеча выкупил.

Цзя Лянь опешил. Он уже открыл было рот, чтобы вежливо отказать, но в этот момент в дверях показалась сама Цинчэнь — Линь Лан заранее велел Хэжу привести её.

Увидев возлюбленную, Цзя Лянь запаниковал:

— Ты зачем здесь? Живо вернись в свои покои!

Однако девушка даже не взглянула на него. Легкой, скользящей походкой она приблизилась к Линь Лану и изящно склонилась в глубоком поклоне:

— Приветствую господина.

Цзя Лянь застыл, беззвучно хватая ртом воздух.

— Как видишь, старший двоюродный брат Лянь, — мягко улыбнулся Линь Лан, — Цинчэнь с самого начала служила мне. Когда ты решил её выкупить, хозяйка весёлого дома побоялась перечить родственнику нашей семьи. Теперь же я пришёл забрать своё.

Цзя Лянь не слышал его. Он во все глаза смотрел на стоявшую перед ним красавицу, силясь осознать масштаб предательства. Линь Лан кивнул Хэцзя, и та выложила на стол увесистый кошель с золотом.

— Здесь ровно столько, сколько ты отдал за её выкуп. Считай, сделка расторгнута. Мы уходим. Можешь не провожать.

Поднявшись, Линь Лан увёл безмолвную Цинчэнь за собой.

Для Цзя Ляня это был сокрушительный удар. Он ведь по-настоящему привязался к этой девушке, мечтал о совместной жизни в столице, а в итоге оказался лишь пешкой в чужой игре. Деньги ему вернули до последнего медного гроша, но разбитое сердце склеить было уже некому.

Линь Лану же не было дела до терзаний кузена. Отправив Цинчэнь в столицу с первыми же надежными людьми, он поставил в этом деле жирную точку.

<http://bllate.org/book/18219/1758841>